

Государство как инструмент солидарности

Ольга Ф. Иващук

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, ofi@list.ru*

Аннотация. В современных философских теориях солидарность предстает противоречивой. Если считать ее прафеноменом страхования (распределения поддержки слабых на плечи всех), то солидарность, с одной стороны, предстанет источником экономического застоя и дефицита, более того, нравственно нелегитимной и чреватой тоталитаристскими импликациями. С другой стороны, она явственно связана с верностью интересам общества, которая отличает *citoyen*, чье человеческое достоинство призвано реализовывать государство, от эгоистичного *bourgeois*. Государство, чья легитимность в эру глобализации, в свою очередь, поставлена под вопрос, оказывается загадочной точкой перехода из нелегитимной солидарности в легитимную. Понять, как это происходит, помогли соображения К. Пола-ньи о роли государства в функционировании конкурентного рынка. Анализ проблемы позволил 1) установить сущностное родство поланианских «фиктивных товаров», которые государство должно защищать от коммодификации, и выделенных К. Марксом условий возможности производства вообще, 2) объяснить тем самым происхождение «фиктивных товаров» и укоренить солидарность в субъект-субъектном отношении производства, конституирующем человеческую культуру как таковую. Этот результат принуждает отказаться от модели страхования как от несобственного образа солидарности и обосновать солидарность как константу воспроизводства общественных условий производства человека. В капиталистическом производстве эта константа институционализируется в виде демократического национального государства, дисфункциональность которого ведет не только к запрету на воспроизводство для слабых игроков рынка, но также, в качестве момента этого процесса, к консервативной революции и ее тоталитаристским исходам.

Ключевые слова: солидарность, конкуренция, государство, рынок, глобализация, производство, фиктивные товары, Спинхемленд, демократия, встроенность

Для цитирования: Иващук О.Ф. Государство как инструмент солидарности // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2019. № 1. С. 31–41. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-31-41

The state as an instrument of solidarity

Olga F. Ivashchuk

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), ofi@list.ru*

Abstract. In modern philosophical theories, the solidarity appears contradictory. If we consider the insurance to be it's prime phenomenon (distribution of support for the weak on the shoulders of all), then the solidarity, on the one hand, becomes a source of economic stagnation and deficit, moreover, it becomes morally illegitimate and fraught with totalitarian implications. On the other hand, it is clearly connected with loyalty to the interests of the society, which distinguishes citizen, whose human dignity is intended to be realized through the state, from selfish bourgeois. A state which legitimacy in the era of globalization, in its turn, is called into question, turns out to be a mysterious point of transition from illegitimate solidarity to legitimate one. The ideas of K. Polanyi on the role of the state in functioning of the competitive market help to understand how it happens. Analysis of the issue made it possible 1) to establish the essential affinity of Polanian "fictitious commodities" (which the state should protect against commodification) and the conditions for the possibility of production in general, singled out by K. Marx, 2) to explain there by the origin of "fictitious commodities" and to root the solidarity in the subject-subject relation of production, which constitutes human culture as such. This conclusion allows us to reject the insurance model as improper image of the solidarity and to substantiate it as a constant of reproduction of the social conditions of human production. In capitalist production, that constant is institutionalized in the form of a democratic national state, the dysfunctionality of which leads not only to forbidding the reproduction for the weak market players, but also, as that processmoment, to a conservative revolution with its totalitarian outcomes.

Keywords: solidarity, competition, state, market, globalization, production, fictitious commodities, Speenhamland, democracy, embeddedness

For citation: Ivashchuk OF. The state as an instrument of solidarity. *RSUH / RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series.* 2019;1:31-41. DOI: 10.28995/2073-6401-2019-1-31-41

Введение. Солидарность как страхование

Солидарность сегодня представляет собой феномен, трудно поддающийся определению, нечто такое, что улавливается скорее негативно. Как на смену свободе классической эпохи приходит эмансипация, так на смену братству приходит солидарность [1 с. 36].

От близких феноменов (дружбы, родственной привязанности, справедливости) Й. Изензее отличает солидарность с помощью метафоры: моделью солидарности является эскадра, которая приравнивает свою скорость к скорости самого тихоходного корабля. Когда же мы имеем дело с ситуацией, «которая вынуждает все корабли мчаться вперед на предельных скоростях, не заботясь о том, все ли они выдержат этот темп» [2 с. 398], мы имеем дело с конкуренцией – противоположностью солидарности. И основной тип связи индивидов в конкурентных рыночных обществах современного типа с этой точки зрения оказывается совсем не солидарностью, солидарность если и можно обнаружить в них, то как вытесненный на задворки развития очень тонкий компенсаторный слой жизни, прафеноменом которого Й. Изензее считает страхование [2 с. 385], когда поддержка слабых распределяется на плечи всех, в отличие от прафеномена конкуренции – гражданского права, которое не предполагает ответственности партнеров сделок друг за друга, т. е. «рационализировано посредством десолидаризации» [2 с. 396].

Оттого, что по отношению к базовому принципу современной цивилизованной жизни солидарность предстает как отрицательный принцип, она не только трудно определима, но и сомнительна с этической стороны: «солидарность как таковая не является добродетелью. <...> Она имеет место в разбойничьих бандах, и в наркобизнесе, и у мафии». Но добродетелью она все же становится – когда ее «распространяют... прежде всего на государственную общность в целом». Тогда она «пробуждает в нас мысли о старой доброй верности интересам общества» [2 с. 384].

Учитывая, что государство сегодня тоже явственно делегитимируется, непонятно, как же сами по себе делегитимированные государство и солидарность в связке могут образовать что-то легитимное?

Национальное государство как помеха глобальному рынку

В условиях глобализации можно говорить о размывании государственного суверенитета. Направлением, в котором разворачивается этот процесс, либеральные мыслители, например Р. Дарендорф, считают «всемирное гражданское общество», относительно которого национальное государство начинает казаться пережитком, тормозом на пути прогресса и свободы. Даже сторонники его

сохранения начинают понимать свою позицию как сделку с совестью, в которой ради прав гражданина государства поступаются правами человека вообще, гражданским обществом как чем-то более универсальным и соответствующим нравственному понятию о человеке, нежели статус гражданина государства. И дело не просто в том, что «государственно организованное братство» (О. Депенхойер) в состоянии «организовать и гарантировать солидарность только на своей территории» [3 с. 440]. Сделкой с совестью это становится, когда речь идет о тех, по отношению к кому с помощью государства устанавливается социальная дистанция – гражданах экономически *отсталых* стран, и особенно остро, когда те оседают на европейских границах. Если их пропускают, «в лучшем случае они становятся гражданами второго сорта, доводя тем самым понятие гражданина *ad absurdum*. <...> Если их не пропускают, приходится сооружать барьеры, превращающие открытое гражданское общество в крепость» [4 с. 69]. Т. е. государство либо зло, либо бесполезно: для Запада оно легко проницаемый барьер, когда ему надо вторгнуться в чужие суверенные границы под предлогом обеспечить все те же универсальные ценности цивилизации.

Р. Дарендорф и все, грезящие о всемирном гражданском обществе, видят причину антагонизма (государственной) солидарности и справедливости в дефиците обеспечения прав. Дефицит возникает по причине интервенций государства в рынок: распределяющая солидарность «предполагает наличие продукта, который этому распределению подлежит», но продуктивность труда в этой системе низка из-за «*отсутствия мотива*, побуждающего повышать производительность труда, ибо никакие моральные аргументы и апелляции к чувству солидарности не в состоянии заменить основной стимул производственной деятельности – стремление к личной пользе» [2 с. 399]. Речь идет о так называемых экономических мотивах, которыми приводится в движение современное производство, существенно опосредствованное рынком *laissez-faire*. Их два – индивидуальный выигрыш и страх голода. И наивному взгляду эти мотивы представляются естественными, также как и рынок, который чудесным образом начинает производить богатство, лишь стоит дать ему свободу.

Роль государства в становлении рынка laissez-faire

Рынок в качестве источника всяческого благосостояния ставит под вопрос хотя бы недавний опыт России, которая в 1990-е годы открылась рынку в ожидании волшебства – и вступила в тяжелый кризисный процесс. Очевидно, между рынком и благосостоянием

нет короткого замыкания, и требуется анализ посредствующих звеньев между ними. Опыт такого анализа, действенность которого подтвердилась применительно и к России, предложил К. Поланьи, которому реконструкция генезиса современного рынка позволяет утверждать: «В политике *laissez-faire* не было ничего “естественного”: простое невмешательство в естественный ход вещей никогда бы не смогло породить свободные рынки. ...И сам принцип *laissez-faire* был проведен в жизнь усилиями государства» [5 с. 156] в 30-е годы XIX в.

Во-первых, потому что этот рынок невозможен без единства трех условий: конкурентного рынка труда, автоматически действующего золотого стандарта и свободы международной торговли [5 с. 155], и все три требуют государственной политики.

В-вторых, если бы рыночная организация производства возникла на заре человеческой истории, все производители просто сразу погибли бы – именно потому, что приводят его в движение «голод и прибыль». В противовес тем, кто видит в рынке естественный автоматизм, история и этнология свидетельствуют: все известные науке производственные системы, кроме капитализма, «базируются не на них» [6 с. 24–25].

Ссылаясь на Херсковица и Турнвальда, К. Поланьи констатирует:

В обществах, живущих на грани выживания, никто не голодает» [Herskevits H.J. 1940]. ...Индивиду в первобытном обществе не угрожает голодная смерть, кроме тех случаев, когда сообщество в целом оказывается в трудном положении. <...> Это касается и стремления к личному выигрышу. <...> «Характерной чертой первобытных экономик является отсутствие какого-либо желания делать прибыль из производства или обмена» [Thurnwald R. 1932]. <...> Не голод, не выигрыш, а гордость и престиж, ранг и статус, публичная похвала и личная репутация обеспечивали стимулы для индивидуального участия в производстве [6 с. 25–26].

Таковы исторические предпосылки, отрицая которые возникает рынок в современном смысле. Но – и это в-третьих – исчезают ли они в этом отрицании? Рынок становится саморегулирующимся с того момента, когда захватывает три вида предметов обмена, которые К. Поланьи называет «фиктивными товарами» – деньги, труд и землю.

Национальное государство как необходимое условие рыночного производства

Можно показать, что эти три выделены неслучайно: они ведут происхождение от Марксова понятия производства как специфически человеческой жизнедеятельности, процесса производства *прибавочного* труда (т. е. труда сверх непосредственной органической, т. е. эгоистической, нужды), каковое происходит благодаря социальной форме труда. Она представляет собой субъект-субъектное отношение, которое включает субъекта-организатора, задача которого – навязывать определенные формы труда, а именно, достаточные для воспроизводства всего социального целого (resp. при капитализме это класс предпринимателей, воспроизводство которого зависит от устойчивости *денег*), и непосредственного производителя (resp. *труд*, воспроизводство которого зависит от уровня жизни труженика). Чтобы навязывать определенные формы деятельности, организатор (1) должен контролировать способ соединения непосредственного производителя (2) с (3) предметом труда (это природа, resp. *земля*) и для этого быть собственником средств производства. Это существенно солидарное отношение, так как его субъекты вместе с собой (вос)производят всю совокупность общественных условий своего воспроизводства [7 с. 354]. Это значит, что праформой солидарности является не страхование, но производство.

Иными словами, «фиктивные товары» – не просто товары, но конституэнты самого производства человека, культуры вообще, которые должны быть сохранены в любом производстве. Поэтому в рыночном производстве, которое обретает свою специфику, как раз коммодифицируя их, они нуждаются в институциональных защитах. Если последние отсутствуют, воспроизводство будет исключено. Труд будет деградировать, природа – загрязняться, бесконтрольные денежные потоки вызовут остановку предприятий [6 с. 87].

Таким образом, солидарность составляет *необходимую предпосылку* продуктивного функционирования *самого рыночного производства*, и на сегодняшний день единственной пока ее институцией, способной координировать все три условия его *воспроизводства*, является государство (в силу того, что оно монополист физического и символического насилия). Именно поэтому в Европе становление универсального рынка и национального государства шло одновременно.

*Два способа защищать производство:
Спинхемленд vs представленность всех производителей
на государственном уровне (солидарность как демократия)*

Но защищать производство от рынка можно полярно противоположными методами. Первым из них был опробован тот, чьей моделью можно считать Спинхемленд [5 с. 92–100]. Под таким названием К. Поланьи описывает становление капиталистического производства в Англии. Около 40 лет, с 1795 по 1834 гг. в Англии земельная аристократия пыталась защитить труд от бедствий коммодификации посредством системы денежной помощи (решение было принято мировыми судьями в Спинхемленде). Но это «право на жизнь для бедняков» оказалось «смертельной ловушкой», потому что вкупе с законами против рабочих союзов вызвало «резкое падение производительной способности широких масс», препятствуя возможности трудящимся слоям заработать на достойную жизнь. Развитие *рыночного* машинного производства (движение вперед) было блокировано, а все *прежние* (отличные от голода) стимулы к труду подорваны люмпенизацией. Итогом оказалась «нравственная и социальная деградация», настоящее «национальное бедствие». Англия из него выбралась во многом благодаря тому, что была первопроходцем, и потому успела сменить тактику на противоположную: защищать надо *рыночное* производство и *его* субъектов. А это означает политическую мобилизацию соответствующих классов, их представительство на государственном уровне, причем не только капиталистов, но и рабочее движение и законодательство, иначе даже собственники предприятий будут вести себя как феодалы, сидящие на ренте. Это второй и единственно адекватный ситуации способ функционирования государства.

Добиться этого было трудно первопроходцам, но ситуация еще хуже, если рыночное производство и развитый рынок, чьей необходимой тенденцией является расширение, вторгается извне (как того и требует построение всемирного гражданского общества) в политически незащищенную культурную зону: в этой зоне происходит разрушение всех жизненно важных институтов общества и срабатывает автоматизм, который П. Бурдьё называет «запрет на воспроизводство» [8 с. 218, 427].

К. Поланьи уточняет: «Причиной деградации будет... не экономическая эксплуатация жертвы, как это часто думали, а распад ее традиционной культурной среды. <...> Результатом становится потеря чувства самоуважения и кризис традиционных поведенческих норм...» [5 с. 176]. Решающее обстоятельство в таком разрушении – это темпы, которые не позволяют неготовой к рынку культуре выработать защитные институции и габитус. Что гисте-

резис в этой ситуации становится убийственным, увидел уже А. де Токвиль, который столкнулся с этим в США в 30-е годы XIX в. и описал основные способы, которыми происходит «исчезновение индейцев» под натиском рыночного производства [9 с. 240, *passim*].

В ситуации резкого расширения рынка у культуры есть лишь два пути к спасению: война или цивилизация. Но цивилизация требует времени, между тем догоняющие игроки рынка, в отличие от первопроходцев, вынуждены конкурировать с ними по рыночным правилам без соответствующих защит, и это считается честной игрой [9 с. 246], для которой за редким исключением типичны два исхода: гибель или колонизация.

Расширение рынка и запрет на воспроизводство

Все эти проблемы не могут остаться в прошлом, пока, несмотря на кризисы, существует мировой рынок *laissez-faire*. В конце XX в. он расширился на область бывшего социалистического лагеря. Результаты анализа этих событий на модели России девяностых М. Буравым полностью вписываются в ожидаемое на основе теории К. Поланьи: в России, вопреки обещаниям рыночных утопистов, произошла «экономическая инволюция», т. е. «ситуация, когда обмен душит производство» вместо того, чтобы стимулировать его. С января 1992 г. в России началась шоковая терапия, направленная на разрушение административной экономики, и в течение трех лет все «фиктивные товары» были овеществлены, поскольку реформаторы стали разрушать все, связанное «с коммунизмом... чтобы рынок сам заработал волшебным образом. Они не позаботились об институциональных условиях взращивания капиталистического производства, а ведь рынок не может функционировать в институциональном вакууме» [10 с. 279]. Для России сложилась ситуация запрета на культурное воспроизводство.

Сегодня необходимость защит, пожалуй, осознается. Но, подобно Англии конца XVIII в., российская элита прежде всего пытается организовать сверху отечественный вариант Спинхемленда, в котором деградация труда предопределена в силу снижения уровня жизни трудящихся, а он предопределен, в свою очередь, не созданием, но эксплуатацией ресурсов. В результате вместо самораспространяющегося производства, которое насаждала английская буржуазия, в России происходит инволюция, вместо мобилизации трудящихся на государственном уровне – трудящиеся классы в России уничтожаются, прекариатизируются, деградируют. Это происходит потому, что в России парализованное рыночным ударом производство до сих пор не может сформировать классов,

способных представлять интересы производства на уровне государства, и потому по всем направлениям «мы имеем инволюцию, общество, замыкающееся в себе в попытке спастись от государства» [10 с. 288], которое в норме должно было спасать его.

Заключение. Государственно-институционализирующая солидарность и угрозы тоталитаризма

Таким образом, когда национальное государство соответствует своему понятию, оно защищает производителей от рынка. Дисфункциональность государства вызывает инволюцию производства, и это создает не только внутренние проблемы. В норме усиление государства не вызывает угроз расставания с демократией (государство в периоды кризиса мирового рынка, как показала история, усиливается как государство всеобщего благосостояния), так было в Англии, США. Но тот же кризис на противоположном полюсе рынка, где бездействие государства и оттеснение трудящихся от политического участия вызывает производственный и институциональный паралич, приводит к иным последствиям, как в 30-е гг. XX в., когда самые уязвимые в силу отсталости, «прежде всего Германия, Австрия и Италия, не устояли перед фашистским решением проблемы» [5 с. 290]. Токвилевская ситуация: чтобы не исчезнуть, на социетальном уровне культура коллапсирует в тоталитарность, вовлекая в этот коллапс всех, включая и самых общечеловечески-выдающихся своих представителей, таких, как М. Хайдеггер [11].

Таким образом, почва для консервативной революции, от нового издания которой никто не застрахован, сохраняется в той же мере, в какой отчужденная рыночная коммуникация создает угрозы человеческому бытию, не создавая одновременно возможности ответить на эту угрозу развитием производства. Противостоять этому может только государственно институционализирующая солидарность, т. е. государство, в котором обеспечено политическое участие для всех производительных классов общества. Адекватное отношения конкуренции к солидарности – это встроенность, названная К. Поланьи *embeddedness*.

Литература

1. Крингс Г. Цена свободы // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 32–42.
2. Изензее Й. Социально-этическая субстанция открытой дефиниции «солидарность» // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 380–404.
3. Депенхойер О. Не все люди будут братья // Политическая философия в Германии. М.: Современные тетради, 2005. С. 429–441.
4. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
5. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.
6. Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 321 с.
7. Маркс К. Капитал. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Часть 2 // Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25 Ч. 2. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1962. 552 с.
8. Бурдьё П. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М.: Дело, 2016. 720 с.
9. Токвиль А. де Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. 554 с.
10. Буравой М. Великая инволюция: реакция России на рынок // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: ГУ-ВШЭ, 2007. С. 274–294.
11. Бурдьё П. Политическая онтология М. Хайдеггера. М.: Праксис, 2003. 272 с.

References

1. Krings H. Price of freedom. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennyye tetradi Publ.; 2005. P. 32-42. (In Russ.)
2. Isensee J. Socio-ethical substance of the open definition of “solidarity”. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennyye tetradi Publ.; 2005. P. 380-404. (In Russ.)
3. Depenheuer O. Not all people will be brothers. *Political philosophy in Germany*. Moscow: Sovremennyye tetradi Publ.; 2005. C. 429-441. (In Russ.)
4. Dahrendorf R. The Modern Social Conflict. An Essay on the Politics of Liberty. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2002. 282 p. (In Russ.)
5. Polanyi K. The great transformation: the political and economic origins of our time. Saint Petersburg: Aleteiya Publ.; 2002. 320 p. (In Russ.)
6. Polanyi K. On Belief in Economic Determinism. “*The Great Transformation*” by Karl Polanyi: Past, present, future. Ed. by R.M. Nureev. Moscow: GU-VShE Publ.; 2007. 321 p. (In Russ.)
7. Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. III: The Process of Capitalist Production as a Whole. Marx K. Engels F. *Works*. 2nd ed. Vol. 25. Part 2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1962. 552 p. (In Russ.)

8. Bourdieu P. On the State: Lectures at the Collège de France: 1989–1992. Moscow: Delo Publ.; 2016. 720 p. (In Russ.)
9. Tocqueville A., de. Democracy in America. Moscow: Progress Publ.; 1992. 554 p. (In Russ.)
10. Buravoi M. The great involution. Russia's response to the market. "*The Great Transformation*" by Karl Polanyi: Past, present, future. Ed. by RM. Nureev. Moscow: GU-VShE Publ.; 2007. P. 274-94. (In Russ.)
11. Bourdieu P. The Political Ontology of Martin Heidegger. Moscow: Praxis Publ.; 2003. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Ольга Ф. Иващук, доктор философских наук, доцент, Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82–84, строение 2; ofi@list.ru

Information about the author

Olga F. Ivashchuk, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 82–84, Vernadsky Av., Moscow, Russia, 119571; ofi@list.ru